

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Обзорная статья

УДК 93/94(470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-497-510

EDN: XXDWKO

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БАЛКАРСКОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В. (НА ОСНОВЕ ПОСЕМЕЙНЫХ СПИСКОВ 1886 И 1905 ГГ.)

Елена Георгиевна Муратова^{1,2}

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия, lena_gm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6803-6884>

² Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия

Аннотация. Статья посвящена социально-экономическому исследованию Балкарии конца XIX – начала XX в. На основе статистико-математического анализа посемейных списков горских общин за 1886 г. представлен демографический и социально-экономический срез балкарского общества этого периода. Количественные данные указали на устойчивость сословных перегородок внутри балкарского социума в пореформенное время. Несмотря на существенное неравенство нет оснований говорить о резких сдвигах в имущественной дифференциации горцев в последней четверти XIX века и о формировании новой социальной структуры, характерной для аграрного капитализма. В целом балкарское общество в русле общероссийской модернизации второй половины XIX – начала XX в. все-таки не подверглось коренной структурной трансформации, поскольку постоянно воспроизводилась традиционная система хозяйствования, а все проявления «капиталистических отношений» носили скорее характер изменений внешней среды.

Статья частично содержит выводы диссертационного исследования автора [Муратова 2006] и подготовлена для публикации с целью их обнародования и расширения читательской аудитории.

Ключевые слова: Балкария, посемейные списки 1886 г., статистико-математические методы, социально-экономическая структура, российская модернизация, вторая половина XIX – начало XX века.

Для цитирования: Муратова Е.Г. Социально-экономические характеристики балкарского общества второй половины XIX – начала XX в. (на основе посемейных списков 1886 и 1905 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 497-510. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-497-510. EDN: XXDWKO.

© Муратова Е.Г., 2023

Review article

SOCIO-ECONOMIC CHARACTERISTICS OF THE BALKAR SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE 19TH - EARLY 20TH CENTURIES (BASED ON FAMILY LISTS OF 1886 AND 1905)

Elena G. Muratova^{1,2}

¹ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, lena_gm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6803-6884>

² The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Abstract. The essay focuses on the demographic and socioeconomic structure of Balkarian rural societies during the epoch of Russian capitalist modernization in the late XIXth and early XXth centuries. The evidence from the 1886 Household Census was used to compile the database. The information was processed with the use of various methods of statistical and correlation analysis. This made it possible to present a cross-section of the Balkar society of that period, its demographic structure, economic differentiation, and social stratification. Systematic comparison of the data from the 1886 Census with that from the governmental inspection of 1905 was indispensable for the measuring of the social change the local ethno-social community had underwent in twenty years time span. All the influences of the modernizing environment notwithstanding, Balkarian society retained its traditional characteristics. None meaningful changes in socio-economic structure leading toward “agrarian capitalism” are discernible. So, the Balkarian highlander’s society remained at the onset of the XXth century, relatively isolated from the modernizing environment of the greater Russian society. The methods applied and findings achieved in this research bear an essential novelty in relation to interpretations prevalent in literature on the topic.

The article partially contains the conclusions of the author’s dissertation research [Muratova (Muratova) 2006] and has been prepared for publishing in order to make them public and increase readership.

Keywords: Balkaria, family lists of 1886, statistical and mathematical methods, socio-economic structure, Russian modernization, second half of the 19th – early 20th century.

For citation: Muratova E.G. Socio-economic characteristics of the Balkar society in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on family lists of 1886 and 1905). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 497-510. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-497-510. EDN: XXDWKO.

© Muratova E.G., 2023

В настоящее время проблема оценки социально-экономической и социокультурной эволюции горских обществ Северного Кавказа пореформенного периода находится на периферии исторической науки. Однако это не делает ее менее актуальной как с точки зрения современной общественно-политической значимости, так и научно-исследовательской необходимости. Поскольку, во-первых, с 60-х гг. XIX в. основным мотивом российско-кавказского взаимодействия становится проблема совместного развития, то есть органичного включения Северного Кавказа в процессы российской модернизации. Отсюда в кавказоведении возникает потребность осмысления социально-экономической трансформации местных традиционных обществ и определения тех итогов, с которыми горские народы подошли к советскому периоду своей истории. Во-вторых, именно в области социально-экономической истории методологические поиски последних десятилетий проявили себя в меньшей степени, а укоренившиеся еще в 1960-1980-х гг. общие схемы исторического развития северокавказских обществ пореформенного периода до конца не подверглись кон-

цептуальному переосмыслению. Эти суждения в полной мере могут быть распространены и на социально-экономическую историю Балкарии второй половины XIX – начала XX в.

Цель статьи – представить демографическую и социально-экономическую структуру пяти горских обществ (Балкар, Хулам, Безенги, Чегем и Урусбий) в условиях российской модернизации последней четверти XIX – начала XX в. на основе массовых исторических источников с использованием методов статистико-математического анализа.

Изучение социально-экономической структуры балкарских обществ началось уже во второй половине XIX в. Среди трудов чиновников кавказской администрации особое место занимают работы Н.Ф. Грабовского [Грабовский 1870], М.З. Кипиани [Кипиани 1884] и Н.П. Тульчинского [Тульчинский 1903]. Огромная заслуга этих авторов состоит в том, что они собрали и ввели в научный оборот значительный корпус оригинальных источников, в том числе статистических, обнаружили сводки официальных документов и первичных материалов сословно-поземельных комиссий. Другая группа работ дореволюционных авторов – это публикации в периодике, исходящие от местной просветительской интеллигенции [Шаханов 1991]. В их трудах пореформенное развитие горских народов представляется как включение традиционного общества с натуральными формами хозяйства в одновекторное с Россией развитие.

В советской историографии 1960-1980-х гг. проблема социально-экономического развития Балкарии пореформенного периода становится одной из наиболее разрабатываемых; исследователи сосредоточились на поиске элементов капиталистических отношений в экономике горских обществ [Крикунова 1960], [Кучмезова 1967]. Вопросам имущественных отношений в балкарских обществах посвящены также исследования экономистов Т.А. Жакомихова [Жакомихов 1963] и М.Х. Ацканова [Ацканов 1967]. Нарисованная этими авторами картина земельных и социальных отношений точно вписана в марксистскую схему политической экономии. Т.Х. Кумыкову принадлежит заслуга в исследовании социально-экономического строя пореформенной Кабарды и Балкарии как части проблемы развития российского капитализма на окраинах империи [Кумыков 1965]. В целом, исследователи стремились обнаружить показатели буржуазного развития и оценить степень зрелости капиталистического уклада у народов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в. Концептуальные рамки осмысления этих вопросов определялись необходимостью подтвердить наличие социально-экономических предпосылок осуществления социалистических преобразований в регионе, а результаты исследований должны были раскрывать как общие закономерности, так и особенности социально-экономического развития горских народов Северного Кавказа. Х.М.-А. Сабанчиев подвел историографические итоги изучению Балкарии пореформенного периода [Сабанчиев 1989].

С конца 1980-х гг. практически на 20 лет исследование проблем социально-экономического Балкарии развития отошло на второй план, внимание исследователей сосредоточилось на изучении проблем этнополитического и этнокультурного развития. Вместе с тем клише, выработанные советской исторической наукой о характере и направлении социально-экономического развития

горских обществ в целом и Балкарии, в частности, продолжают использоваться современными авторами. Так, местная экономика определяется как колониальная, поскольку является поставщиком дешевого сырья и обширным рынком потребления товаров. Что обуславливало «низкий уровень производительных сил, слабое развитие промышленности, незрелость капиталистических отношений, наличие патриархально-феодальных пережитков», «втягивание горцев в товарное обращение» [Гурфова 2014].

При этом предшествующие историографические наработки не осваиваются, и уже введенные в научный оборот исторические источники (в том числе, массовые) по социально-экономической истории Балкарии второй половины XIX – начала XX в. концептуально не перерабатываются. Между тем некоторые аспекты развития балкарских горских обществ в условиях имперской модернизации России XIX – начала XX в. уже подверглись осмыслению как в обобщающих трудах [Века... 2017], так и в специальных работах [Муратова 2019]. А наличие массовых исторических источников и теоретико-методологических разработок по их статистико-математическому анализу позволяет отойти от иллюстративного подхода и осуществить углубленное исследование социально-экономической структуры балкарских обществ конца XIX – начала XX в.

Источниковую основу данного исследования составили посемейные списки балкарских обществ за 1886 г., извлеченные из фонда 9 «Нальчикское окружное полицейское управление» Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики [УЦГА АС КБР. Ф. 9. Оп. 1. Д. 13, 21, 33, 34], а также сводные данные из посемейных списков балкарских обществ за 1905 г., которые были положены в основу трудов так называемой Абрамовской комиссии [Труды... 1908] и хорошо сопоставимы с более ранними источниками.

Здесь надо отметить, что предпринятая архивистами попытка издания посемейных списков отдельных населенных мест Нальчикского округа Терской области за 1886 г. получила в историографии скорее негативную оценку с точки зрения качества проведенной археографической работы. Специалисты отмечали искажение текстов из-за неверного прочтения, отсутствие легенды и примечаний. Серьезные нарекания вызывало то обстоятельство, что изрядная доля информации, изначально содержащаяся в архивных формулярных бланках посемейных списков, была безоговорочно опущена, а научно-справочный аппарат этих публикаций был представлен только предисловием [Тютюнина 2006].

Предварительно нами была проведена источниковедческая разработка посемейных списков балкарских обществ за 1886 и 1905 гг. [Муратова 2013], [Муратова 2016]. Посемейные списки Безенгиевского, Урусбиевского, Хуламского и Чегемского обществ, собранные окружным полицейским управлением в 1886 г., сохранились полностью; а посемейные списки поселков Черекского ущелья – лишь фрагментарно, и встречаются в других фондах. При этом можно говорить об их репрезентативности в количественном отношении, поскольку они охватили две трети всех дворохозяйств Балкарии. Этот источник представляет собой объемные книги, содержащие несколько сот страниц, составленные по единому формуляру: порядковый номер семьи, фамилия и имя главы семьи, его возраст, вероисповедание, грамотность, образование, сословная принад-

лежность, состав семьи, имущество с указанием всех видов скота, земельных угодий и недвижимого имущества, знание ремесла и наличие духовного сана. На основе этих посемейных списков создана база машиночитаемых данных и осуществлен статистико-математический анализ содержащейся в них информации. Это позволило представить демографический и социально-экономический срез балкарского общества последней четверти XIX – начала XX в.

После отмены крепостного права (1867 г.) сельская община балкарцев в терминах российского права формально стала сословной, тем не менее, проведенный анализ показал, что в балкарском обществе и в пореформенный период сохранялось сословное деление, восходящие к традиционной эпохе. Признаки сословной иерархии находили отражение в общественном сознании, в соблюдении поведенческих стереотипов и отдельных принципов межсословной субординации. Российская делопроизводственная документация также зафиксировала различные социальные категории балкарского населения.

В пореформенный период произошло упрощение социальной структуры, балкарское общество разделилось на три слоя: таубии (горские князья), карауздени (бывшие свободные общинники) и лица простого сословия (бывшие зависимые сословные группы), конгруэнтные стратификации традиционного периода. По данным посемейных списков за 1886 г., эти сословные категории в четырех из пяти балкарских обществах распределялись следующим образом. Доля таубиев колебалась от 3 до 9 % общего числа жителей. Наибольший процент этого сословия отмечался в Чегемском обществе. Это объясняется как большим числом княжеских фамилий, так и тем, что таубиями были записаны чанка (лица, происходившие от неравных браков). Можно предположить, что и в Балкарском обществе, сведения о социальном составе которого за 1886 г. отсутствуют, доля таубиев была несколько выше, чем в других обществах. Соответствующие проценты высшего сословия в структуре населения балкарских обществ находят свое подтверждение в материалах Абрамовской комиссии. В начале XX в. доля таубиев колебалась от 2 % в Безенги до 9 % в Чегеме. Карауздени приблизительно составляли от 40 до 60 % всего населения. Число жителей простого сословия колебалось в пределах 36-55 %. Практически такое же соотношение сословий находим в дореформенной Балкарии. По нашим расчетам, таубии составляли 3,8 %, каракиши – 49,2 % (так в источниках первой половины XIX в. названы карауздени), а все другие сословия – 47,0 % всего населения Балкарии [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д.1680. Л. 15, 21]. Приведенные данные позволяют говорить об устойчивости социальных перегородок внутри балкарского общества на протяжении всего XIX в. Основываясь на данных переписи 1897 г. и посемейных списков, можно заключить, что социальная структура балкарского общества не совпадала с сословным делением России и мыслилась в значительной степени в традиционных этносоциальных категориях.

К концу XIX в. основной формой семьи в Балкарии становится малая семья – «аз юйюр», состоявшая от 3-4 до 7-8 человек и включавшая в себя два поколения. По своему внутрисемейному укладу она почти не отличалась от большой семьи. Количественный анализ посемейных списков за 1886 г. дал следующие результаты. Средняя величина семьи в балкарских общинах колеблется

от 6 до 9 человек. Более 40 % приходится на семьи, численный состав которых составляет от 6 до 10 человек. Высок процент малочисленных семей до 5 человек (около трети дворов). Семьи с числом членов от 11 до 16 составляют от 7 до 17 % общей численности дворов общества. Семьи, превышающие 16 человек, находятся в пределах 11 %. Особенности семейного быта балкарцев наложили отпечаток на количественный состав семьи у разных сословий. У таубиев преобладали малочисленные семьи, в то время как у караузденей был самый высокий по численности семейный состав: примерно 30 % их дворов насчитывало свыше 11 человек. Количественный состав семей простого сословия повторяет тенденции, присущие обществу в целом.

Важной характеристикой экономического состояния хозяйства является число работников в семье. Если принять за работника мужчину в возрасте от 10 до 60 лет, то можно заключить следующее. Доля семей, где не было ни одного мужчины трудоспособного возраста, практически равна нулю: это связано с невозможностью ведения самостоятельного хозяйства. Самый высокий процент (за исключением Чегемской общины) составляют семьи, где было более 5 работников. Распределение семей с одним, двумя, тремя, четырьмя и пятью работниками приблизительно одинаково и варьируется в пределах 10-20 %.

Источники дают возможность представить половозрастную структуру балкарских обществ. Мужское население всех балкарских обществ численно несколько превышало женское. Причем эта тенденция прослеживается при рассмотрении и более ранних, и более поздних сведений. Превышение числа мужчин над числом женщин в XIX в. является особенностью демографической ситуации региона и не отражает общее положение в соотношении мужского и женского населения Российской империи в целом, которое характеризовалась преобладанием его женской части. Такое соотношение полов сказалось и на половом составе семьи. Семей, где мужчины численно превышали женщин, во всех балкарских общинах насчитывалось более 40 % и только третью часть составляли семьи, где преобладала женская часть.

Возрастная структура балкарского населения достаточно точно может быть представлена только для мужчин, поскольку данные о возрасте женщин в посемейных списках 1886 г. отсутствуют. Но можно предположить, что подобная возрастная структура с незначительными отклонениями была характерна и для женщин. По данным за 1846 г., «малолетки» (так они названы в источнике в противовес взрослому населению) составляли в Балкарском обществе – 35,5 %, в Безенги – 35,8 %, в Хуламе – 37,3 %, в Чегеме – 32,6 %, в Урусбии 35,5 % [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 604. Л. 111-116]. В 1886 г. самую многочисленную возрастную группу образовывали дети до 10 лет (свыше 30 %). Молодежь от 10 до 20 лет составляла около 20 %. Доля людей в возрасте от 20 до 60 лет находилась в пределах 40 %. А лица пожилого возраста (старше 60 лет) составляли от 7 до 4 % населения в разных обществах. Возрастная градация мужского населения для представленных четырех балкарских обществ примерно одинакова. Это распределение возрастных групп среди балкарцев находит свое подтверждение в материалах Первой всеобщей переписи населения 1897 г., которая отражает структуру возрастов уже всего балкарского населения, а не

только его мужской части. Так, доля детей до 10 лет составляла 32,8 %, возрастная группа от 10 до 20 лет – 19,9 %; от 20 до 60 лет – около 40 %, а на долю стариков старше 60 лет приходилось 6,9 % всего населения [Первая... 1905: 94-97]. Таким образом, налицо стабильность возрастных когорт балкарского населения на протяжении второй половины XIX в.

Как было показано в предыдущих работах, первые сведения об уровне грамотности балкарцев относятся к началу 1860-х гг. и показывают чуть более 0,3 % умеющих читать и писать по-русски или по-арабски. По данным 1886 г., грамотность балкарцев в среднем не превышала полпроцента, а в 1897 г. этот показатель составлял около 1,5 % (2,4 % – у мужчин и 0,4 % – у женщин). Таким образом, несмотря на незначительную его величину, можно говорить о неуклонной тенденции роста числа грамотных среди балкарцев к началу XX в., притом отмечаются более высокие темпы роста арабской грамотности [Муратова 2019: 24].

В последней четверти XIX в., после размежевания земель, в горских обществах по примеру казачьих станиц появилась категория иногородних жителей, их еще называли «временнопроживающими». Численность иногородних в балкарских обществах различалась, но в целом, была незначительной. По сведениям 1905 г., в Балкарской обществу временно проживающих вообще не значилось, наибольшее их количество (1,9 %) зафиксировано в Урусбии, а в Чегеме, Безенги и Хуламе иногородние не превышали 1 %. Для сравнения заметим, что численность иногородних в абазинских аулах в этот период колебалась от 1 до 27 % [Данилова 1984: 111], а у карачаевцев составляла четверть, а в некоторых аулах – даже треть всего населения [Невская 1978: 36-37]. Что позволяет говорить о большей замкнутости и изолированности балкарцев в этот период по сравнению с другими этносоциальными образованиями региона.

В отечественном кавказоведении последняя четверть XIX – начало XX в. характеризуется как время интенсивного проникновения капиталистических элементов в экономику горского общества, как период роста имущественной дифференциации среди северокавказских народов. Визуальное изучение посемейных списков действительно позволяет говорить о значительном имущественном неравенстве балкарских дворохозяйств как в 1880-х гг., так и начале XX в.

Составленные на основе посемейных списков 1886 г. ряды распределения земельных угодий позволили представить картину частного землевладения и определить наиболее типичные размеры участков. Большая дисперсия покосных участков прослеживается во всех балкарских обществах. Очень высок процент дворов, не имеющих их вовсе, он колеблется от 20 % дворов в Хуламе до 40 % в Урусбии. Более трети хозяйств в каждом обществе владели маленькими покосами, с которых можно собрать до 30 копен сена. Около 4 % дворов в Урусбии и Безенги и около 14 % дворов в Чегеме и Хуламе имели большие покосы более чем на 100 горских копен.

Исследование показало, что в балкарских обществах также высок процент дворов, не имеющих пахоты: он колеблется от 12 % – в Безенги до 34 % – в Урусбии. Остальные хозяйства, за редким исключением, имели маленькие пахотные участки, с которых можно собрать до 30 токов зерновых, причем ос-

новная масса дворов группируется в интервале от 1 до 10 токов зерновых. Большие пахотные участки являлись в Балкарии большой редкостью.

Рассмотрение частного землевладения в сословном разрезе позволяет заключить, что средний размер покосных участков у таубиев в 4-7 раз выше, чем у караузденей, и в десятки раз превосходит средний покос, приходящийся на двор простого общинника. Подобная картина возникает и при рассмотрении средних величин пахотных участков. Среднее количество пахотной земли, приходящееся на один двор таубия, в 1,5-3 раза больше, чем на двор караузденя, и в 2,5-10 раз больше этого показателя у простого сословия. Таким образом, ряды распределения различных земельных угодий и средние значения учтенных признаков у отдельных сословий позволили выявить имущественную неоднородность балкарского населения.

Однако неравенство сопровождает человечество всю его историю за исключением первобытности. Изучим динамику социально-экономического развития Балкарии за период с 1886 по 1905 г. Для этого сравним полученные результаты количественного анализа посемейных списков балкарских хозяйств за 1886 г. с материалами Абрамовской комиссии 1905 г. Для возможности сравнения выбраны те же параметры и интервалы рядов распределения всех экономических показателей, что и в трудах комиссии. Это позволяет оценить уровень социально-экономического развития балкарских общин и степень экономической трансформации традиционного горского общества в условиях российской модернизации второй половины XIX – начала XX в.

Основной отраслью экономики горского хозяйства всегда являлось скотоводство. Сопоставление данных о скотоводстве балкарцев в 1886 и 1905 гг. приводит к следующим заключениям. Вполне обеспеченными в балкарских обществах считались хозяйства, имевшие 20 и более голов крупного рогатого скота. Таких хозяйств в Урусбиевском обществе и в 1886, и в 1905 г. насчитывалось около 56 %; в Чегеме в 1886 г. – 41 %, в 1905 г. – 53 %; в Хуламе – 46 % и 43 % соответственно в 1886 и 1905 гг., в Безенги – 36 % и 52 % соответственно, в Балкарском обществе в 1905 г. 25 % хозяйств было обеспечено крупным рогатым скотом. Если хозяйство балкарца составляло 100 и более голов мелкого рогатого скота, его также относили к разряду вполне обеспеченных. Таких дворов в Урусбии в 1886 г. насчитывалось 43 %, а в 1905 г. – 46 %; в Чегемском обществе в 1886 г. – 21 %, в 1905 г. – 25 %; в Хуламе в 1886 г. – 26 %, в 1905 г. – 22 %; в Безенги в 1886 г. – 20 %, в 1905 г. – 30 %; в Балкарском обществе процент хозяйств, обеспеченных мелким рогатым скотом, в 1905 г. составлял 29 %. Таким образом, крестьянские дворы, обеспеченные крупным рогатым скотом, составляли в горских обществах порядка 40-50 %, за исключением Балкарского общества, где таких дворов была четверть. И около 20-30 % хозяйств было обеспечено мелким рогатым скотом, несколько выше этот показатель в Урусбии, где таких хозяйств было более 40 %.

Если принять во внимание, что скотоводство составляло основу экономической жизни балкарцев, то необходимо подчеркнуть очень высокий процент бесскотных хозяйств. Дворы, не имевшие крупного рогатого скота, составляли от 9 до 14 % в разных балкарских обществах, а не имевшие мелкого рогатого

скота – от 27 до 51 %. Эти горцы и составляли значительный резерв рабочей силы. Из их числа нанимали пастухов, или они вступали в арендные отношения с крупными скотовладельцами.

Полученные на основе статистико-математического анализа результаты приводят к двоякому заключению. С одной стороны, имущественная дифференциация в балкарском обществе была весьма значительной, но с другой стороны – нет оснований говорить о резких сдвигах в имущественной дифференциации горцев в последней четверти XIX в. Распределение хозяйств по всем видам богатства за изучаемый период осталось приблизительно на одном уровне с незначительными отклонениями. Следовательно, нельзя сделать вывод об усилении экономической поляризации в конце XIX – начале XX в. и констатировать формирование новой социальной структуры, характерной для аграрного капитализма.

Более того, ранжированные и разгруппированные с помощью коэффициента вариации пять основных признаков имущественной состоятельности хозяйства балкарских крестьян: пахота, покос, лошади, крупный рогатый скот и мелкий рогатый скот, – хотя и доказали существенные различия между образованными группами по каждому из пяти учтенным признакам. Однако предпринятая попытка вариационно-комбинационной группировки хозяйств с учетом всех пяти выделенных признаков не дала положительного результата. Возможно, это связано с тем, что деление на бедных – середняков – богатых не носило устойчивый характер в рассматриваемый период. Компьютер не смог выделить сколько-нибудь значительной группы с учетом всех факторов имущественной состоятельности горского хозяйства.

Апробируем еще один математический метод для выяснения вопроса об устойчивости деления хозяйств на зажиточные и бедные в конце XIX-начале XX в. Это дало бы возможность подтвердить выводы исследователей о проникновении капиталистических элементов в экономику Балкарии и о формировании полярной структуры исследуемого социума. Был проведен корреляционный анализ основных видов богатства горского хозяйства (покос, пахота, крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот). В условиях острого малоземелья дифференциация крестьянства по земле могла бы нейтрализоваться за счет перераспределения крупного и мелкого скота в пользу хозяйств, обделенных землей. Если бы это было так, то коэффициенты корреляции, показывающие взаимосвязь факторов имущественной состоятельности горцев, были бы отрицательными. Однако этого не произошло. Если бы коэффициенты корреляции приближались по модулю к единице, можно было бы строго говорить о наличии тесной связи между отдельными параметрами имущественной состоятельности. На практике это означало бы, что деление на хозяйства «состоятельные» и «малоимущие» было в этот период устойчивым, и, следовательно, шло формирование новой социальной структуры, характерной для аграрного капитализма. Полученные коэффициенты корреляции и детерминации несколько разнятся для отдельного балкарского общества. Вероятно, что связь между земельными участками и количеством скота несколько выше в тех обществах, которые в силу природных условий лучше обеспечены землей (Чегем, Хулам) и

ниже в Урусбиевском и Безенгиевском обществах, особо остро нуждающихся в земле. Тем не менее, в целом коэффициенты корреляции, показывающие взаимосвязь факторов имущественной состоятельности, незначимы или малозначимы. Отсюда можно говорить об отсутствии тесной связи между отдельными параметрами состоятельности горского хозяйства, а это показатель однородности крестьянской массы с несущественными хозяйственными различиями. Поэтому можно говорить скорее об устойчивости традиционной социально-экономической структуры балкарских обществ.

Любой конкретный вид социального неравенства, по методике К.В. Хвостовой [Хвостова 1975], может быть измерен двумя коэффициентами, один из которых показывает, в какой мере изучаемые отношения приближаются к некоторому эталону дифференциации, а другой – в какой мере они отличаются. Эти коэффициенты она интерпретирует как социальные роли этих двух форм неравенства и называет их коэффициентами эволюции и интеграции. Явное проявление неравенства в одной из форм, показатель которой выше – результат борьбы ролей, отражающий определенную тенденцию функционирования неравенства. С использованием предложенной К.В. Хвостовой методики и описанных алгоритмов были получены коэффициенты эволюции и интеграции по всем видам имущественного неравенства, а также суммарные коэффициенты на основе посемейных списков балкарских обществ за 1886 г. Интересующее нас неравенство характеризует структуру объединенных систем, состоящих из ряда составляющих систем. Элементами каждой составляющей системы являются размеры того или иного вида имущества в отдельных хозяйствах балкарских крестьян в пределах общества. Число составляющих систем, входящих в одну объединенную систему, равняется числу видов имущества в крестьянском хозяйстве. Объединенная система отражает неодинаковость в имущественном положении балкарских крестьян в целом, а каждая из составляющих систем в отдельности характеризует неодинаковость в размерах какого-то одного вида имущества. Проведенные расчеты показали, что в отношении всех имущественных объектов наблюдается более высокий уровень интеграции, чем эволюции. В Урусбиевском обществе суммарный коэффициент эволюции по всем видам богатства равен 0,10; а коэффициент интеграции – 0,61; в Чегеме – 0,11 и 0,83; в Хуламе – 0,02 и 0,07; в Безенги – 0,0 и 0,12 соответственно. Рассчитанные коэффициенты свидетельствуют о значительном расслоении балкарского общества к концу XIX в. и показывают, что имелись предпосылки для дальнейшей имущественной поляризации. Но поскольку мы не располагаем равноценными данными об устойчивых признаках капиталистической системы в сельском хозяйстве (наемном труде, аренде и т.п.), а также не можем получить коэффициенты эволюции и интеграции за другие годы с целью выяснения тенденции изменения соотношения между бедностью и богатством, а признаки значительного имущественного расслоения имели место и в более ранние периоды балкарской истории, то представляется корректным трактовать полученный более высокий коэффициент интеграции как коэффициент стагнации, характеризующий наличие в недрах исследуемой совокупности интегрированных социальных групп и значительных количественных различий в размерах их бо-

гатства к моменту рассмотрения. Сопоставление коэффициентов эволюции и интеграции, относящихся к разным балкарским обществам, показывает, что они отличаются друг от друга. Это позволяет отметить, что в Урусбиевском и Чегемском обществах процессы стратификации и имущественной поляризации достигли более высокой стадии, нежели в Хуламо-Безенгиевском ущелье, хотя тенденции развития всех горских обществ имеют один вектор.

Балкарское общество в русле общероссийской модернизации второй половины XIX – начала XX в. все-таки не подверглось коренной структурной трансформации, поскольку постоянно воспроизводилась традиционная система хозяйствования, а все проявления «капиталистических отношений» носили скорее характер изменений внешней среды. Масштабы включения горского населения в систему всероссийского рынка оставались весьма ограниченными. Балкарцы втягивались в рыночные отношения почти исключительно через реализацию продуктов традиционных промыслов и животноводства. Описанные в литературе случаи предпринимательской активности по переработке сельскохозяйственной продукции, в строительстве дорог или разработке полезных ископаемых, а также профессиональные занятия интеллектуальным и творческим трудом носили единичный характер. Сохранялось безусловное доминирование традиционных видов деятельности. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи, в сельском хозяйстве было занято – 90 %, а в обрабатывающей промышленности и городских промыслах только 1,2 % балкарского населения [Муратова 2019: 30].

Итак, если попытаться определить основной вектор исторических изменений в балкарском обществе в последней четверти XIX – начале XX в., то имеется достаточно оснований, чтобы считать его вектором модернизации. Ключевым фактором здесь является то, что жизнедеятельность и социокультурное воспроизводство балкарского общества осуществлялось в этот период в административном, правовом и общесоциальном контексте модернизирующегося российского общества, и внутри балкарского этнического социума начала XX в. уже присутствуют элементы «современности». Вместе с тем проведенное статистико-математическое исследование массовых исторических источников указало на прочность и глубокую устойчивость традиционных характеристик хозяйственной и социокультурной жизни балкарского общества. Нет оснований говорить о резких сдвигах в имущественной дифференциации горцев в последней четверти XIX в. и о формировании новой социальной структуры, характерной для аграрного капитализма.

Что касается посемейных списков за 1886 и 1905 гг., то можно констатировать, что это – высокоинформативный исторический источник, позволяющий представить некоторые демографические, социокультурные и социально-экономические характеристики балкарских обществ, а также выявить направление социально-исторической динамики горского социума на южной периферии Российской империи в условиях модернизационного перехода конца XIX – начала XX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ацканов 1967 – *Ацканов М.Х.* Экономические отношения и экономические взгляды в Кабарде и Балкарии (1860-1917). – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1967. – 131 с.

Века... 2017 – Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557-1917 гг.). – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 544 с.

Грабовский 1870 – *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып.3. – Тифлис, 1870. – Отд. IV. – С. 1-28.

Гурфова 2014 – *Гурфова С.А.* Особенности социально-экономического развития Кабарды и Балкарии на рубеже XIX-XX веков // Современные научные исследования и инновации. – 2014. – № 11. – Ч. 1 –URL: <https://web.snauka.ru/issues/2014/11/39668> (дата обращения: 13.07.2023).

Данилова 1984 – *Данилова Е.Н.* Абазины: Историко-этнографическое исследование хозяйства и общественной организации XIX в. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 145с.

Жакомихов 1963 – *Жакомихов Т.А.* Аграрные отношения в Кабарде и Балкарии (XIX в.) // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. – Нальчик, 1963. – Вып. 18. – С. 79-96.

Кипиани 1884 – *Кипиани М.З.* От Казбека до Эльбруса: Путевые заметки о нагорной полосе Терской области. – Владикавказ: Типография Терск. обл. правл., 1884. – 47 с.

Крикунова 1960 – *Крикунова Е.О.* Некоторые вопросы социально-экономического развития Балкарии в пореформенный период // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. – Т. 17. – Нальчик, 1960. – С. 123–147.

Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Каб.-Балк. книжное изд-во, 1965. – 420 с.

Кучмезова 1967 – *Кучмезова М.Ч.* Проникновение капиталистических отношений в экономику балкарских обществ в пореформенный период // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. – Нальчик, 1967. – Т. 25. – С. 59-73.

Муратова 2006 – *Муратова Е.Г.* Балкарские общества в контексте российской политики на Северном Кавказе (XVII – начало XX века). Дис. д-ра ист. н. Нальчик: КБГУ, 2006. – 564 с.

Муратова 2013 – *Муратова Е.Г.* Посемейные списки северокавказских обществ за 1886 год и перспективы их дальнейшего использования в кавказоведческих исследованиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 9. – Ч. 1. – С. 109-113.

Муратова 2016 – *Муратова Е.Г.* История Балкарии XVII–XIX вв. в документах Архивного фонда РФ // Вестник архивиста. – 2016. – № 2. – С. 8-21.

Муратова 2019 – *Муратова Е.Г.* Балкарские горские общества в условиях имперской модернизации России: этносоциальная консолидация и развитие // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 2. – С. 12-36.

Невская 1978 – *Невская В.П. Невская Т.А.* Сельская община у карачаевцев в XIX в. // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе: СОГУ, 1978. – С. 21-91.

Первая... 1905 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область / Под ред. Н.А. Троицкого. – Т. 68. – СПб., 1905. – 236 с.

Сабанчиев 1989 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Поререформенная Балкария в отечественной историографии. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 232 с.

Труды... 1908 – Труды комиссии по исследованию современного положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ: Электротепчатня Н.К. Григорьева, 1908. – 372 с.

Тульчинский 1903 – *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. – Владикавказ, 1903. – Вып. 5. – С. 152-216.

Тютюнина 2006 – *Тютюнина Е.С.* Археографическая деятельность архивистов Кабардино-Балкарской Республики в 1991-2005 гг. // Портал «Архивы России». Всероссийская научно-практическая конференция «Архивоведение и архивное дело в России (1991-2005 гг.): осмысление пройденного». Москва, 19-20 апреля 2006 г. [Электронный ресурс] URL: http://portal.rusarchives.ru/evants/conferences/1991_2005_txt/tutunina.shtml (дата обращения: 13.07.2023)

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики

Хвостова 1975 – *Хвостова К.В.* К вопросу о методике измерения степени социально-экономического неравенства в исторических совокупностях // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. – М.: Наука, 1975. – С.45-76.

Шаханов 1991 – *Шаханов Б.* Избранная публицистика / Сост. Т.Ш. Биттирова. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 287 с.

REFERENCES

ATSKANOV M.KH. *Ekonomicheskiye otnosheniya i ekonomicheskiye vzglyady v Kabarde i Balkarii (1860-1917)* [Economic relations and economic views in Kabarda and Balkaria (1860-1917)]. – Nal'chik, Kab.-Balk. kn. Publ., 1967. – 131 p. (In Russ).

Veka sovmestnoy istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiyskom tsivilizatsionnom protsesse (1557-1917 gg.) [Centuries of common history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilizational process (1557-1917)]. – Nal'chik, Izdatel'skiy otdel IGI KBNTS RAN, 2017. – 544 p. (In Russ.).

GRABOVSKII N.F. *Ehkonomicheskoe polozhenie byvshikh zavisimyykh soslovii Kabardinskogo okruga* [Economic conditions of former dependent estates of Kabardian district]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh: v 12 t.* – Vol. 3. – Tiflis, 1870. – Section IV. – P. 1-28. (In Russ.).

GURFOVA S.A. *Osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Kabardy i Balkarii na rubezhe XIX – XX vekov* [Features of the socio-economic development of Kabarda and Balkaria at the turn of the 19th-20th centuries]. IN: *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii.* – 2014. – No 11. – Part 1. Available at: <https://web.snauka.ru/issues/2014/11/39668> (accessed 13 June 2023).

DANILOVA E.N. *Abaziny: Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye khozyaystva i obshchinnoy organizatsii XIX v.* [Abazins: Historical and ethnographic study of the economy and community organization of the 19th century]. – Moscow, MGU Publ., 1984. – 145 p. (In Russ.).

ZHAKOMIKHOV T.A. *Agrarnyye otnosheniya v Kabarde i Balkarii (XIX v.)* [Agrarian relations in Kabarda and Balkaria (XIX century)]. IN: *Uchenyye zapiski Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta.* 1963. – Vol.18. – P. 79-96. (In Russ.).

KIPIANI M.Z. *Ot Kazbeka do El'brusa: Putevyye zametki o nagornoy polose Terskoy oblasti.* [From Kazbek to Elbrus: Travel notes on the highlands of the Terek region]. – Vladikavkaz: Tipografiya Tersk. obl. pravl., 1884. – 47 p. (In Russ.).

KRIKUNOVA E.O. *Nekotoryye voprosy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Balkarii v poreformennyy period* [Some issues of the socio-economic development of Balkaria in the post-reform period]. IN: *Uchenyye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta.* – 1960. – Vol. 17. – P. 123–147. (In Russ.).

KUMYKOV T.KH. *Ekonomicheskoye i kul'turnoye razvitiye Kabardy i Balkarii v XIX veke.* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the XIX century]. – Nal'chik, Kab.-Balk. Kn. Publ., 1965. – 420 p. (In Russ.).

KUCHMEZOVA M.CH. *Proniknoveniye kapitalisticheskikh otnosheniy v ekonomiku balkarskikh obshchestv v poreformennyy period* [Penetration of capitalist relations into the economy of Balkar societies in the post-reform period]. IN: *Uchenyye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta.* – 1967. – Vol. 25. – P. 59-73. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Balkarskie obshchestva v kontekste rossiiskoi politiki na Severnom Kavkaze (XVII – nachalo XX veka)* [Balkar societies in the context of Russian policy in the North Caucasus (XVII – early XX centuries)]. Dis. d-ra ist. n. Nal'chik: KBGU, 2006. – 564 s. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Posemeinye spiski severokavkazskikh obshchestv za 1886 god i perspektivy ikh dal'neishogo ispol'zovaniya v kavkazovedcheskikh issledovaniyakh* [Family lists of North Caucasian societies for 1886 and prospects for their further use in Caucasian studies]. IN: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Nauchno-teoreticheskii i prikladnoi zhurnal*. – 2013. – No 9. – Part 1. – P. 109-113. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Istoriya Balkarii XVII–XIX vv. v dokumentakh Arkhivnogo fonda RF* [History of Balkaria XVII–XIX centuries. in documents of the Archive Fund of the Russian Federation]. IN: *Vestnik arkhivista*. – 2016. – No 2. – P. 8-21. (In Russ.).

MURATOVA E. G. *Balkarskiye gorskiye obshchestva v usloviyakh imperskoy modernizatsii Rossii: etnosotsial'naya konsolidatsiya i razvitiye* [Some questions of historical metrology of the Balkars and Karachays]. IN: *Elektronnyy zhurnal «Kavkazologiya»*, – 2023. – № 2. – P. 124-142 (In Russ.).

NEVSKAYA V.P. NEVSKAYA T.A. *Sotsial'nyye otnosheniya u narodov Severnogo Kavkaza* [Social relations among the peoples of the North Caucasus]. – Ordzhonikidze: SOGU Publ., 1978. – P. 21-91. (In Russ.).

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Terskaya oblast' / Pod red. N.A. Troitskogo [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897. Terek Region. Ed. by N.A. Troitsky]. – Saint Petersburg, 1905. – Vol. 68. – 236 p. (In Russ.).

SABANCHIYEV KH.-M.A. *Poreformennaya Balkariya v otechestvennoy istoriografii* [Post-reform Balkaria in Russian historiography]. – Nal'chik, El'brus Publ., 1989. – 232 p. (In Russ.).

Trudy komissii po issledovaniyu sovremennogo polozheniya zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya v Nagornoj polose Terskoj oblasti [The proceedings of the Commission to study the present situation of land tenure and land use in the mountainous strip of the Terek region]. – Vladikavkaz, 1908. – 372 p. (In Russ.).

TULCHINSKII N.P. *Pyat gorskikh obshchestv Kabardy* [Five Mountain Societies of Kabarda]. IN: *Terskii sbornik* [Tersky Collection]. – Vladikavkaz: Tipografiya Terskogo oblastnogo pravleniya, 1903. – Iss. 5. – P. 152-216. (In Russ.).

TYUTYUNINA E.S. *Arkheograficheskaya deyatel'nost' arkhivistov Kabardino-Balkarskoy Respubliki v 1991-2005 gg.* [Archeographic activity of archivists of the Kabardino-Balkarian Republic in 1991-2005] Available at: http://portal.rusarchives.ru/evants/conferences/1991_2005_txt/tutunina.shtml (accessed 13 June 2023).

Upravlenie Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki [The Office of the Central State Archive of the Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic].

KHVOSTOVA K.V. *Matematicheskiye metody v issledovaniyakh po sotsial'no-ekonomicheskoy istorii* [Mathematical Methods in Research on Socio-Economic History]. – Moscow: Nauka Publ., 1975. – P. 45-76. (In Russ.).

SHAKHANOV B. *Izbrannaya publitsistika / Sost. T.SH. Bittirova* [Selected Works in Social and Political Journalism / Comp. T.Sh. Bittirova]. – Nal'chik, El'brus Publ., 1991. – 287 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.Г. Муратова – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

E.G. Muratova – Doctor of Science (History), professor.

Статья поступила в редакцию 01.10.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 01.10.2023; accepted for publication 26.12.2023.